

— Эти деньги возьми пока себе. У твоего мужа в семье сейчас не лучшие времена, но это временно. Постарайся проявить смекалку, привяжи к себе супруга покрепче. Девушка, выйдя замуж, если подвергнется притеснениям в семье мужа, в конечном счете всё равно должна опираться на поддержку родного дома. В повседневных разговорах чаще напоминай зятю, чем хороша семья Фан. Твой брат ещё мал, разве он не должен будет рассчитывать на помощь вас, старших сестер? — Отец Фан говорил проникновенно, мастерски изображая заботливого старшего родственника.

Фан Хуэйнян, привыкшая во всем подчиняться, послушно приняла от отца банкноту в пятьдесят лянов. Она всегда была человеком без собственного мнения, с детства воспитанная в духе трех подчинений и четырех добродетелей, поэтому, что бы ни сказал отец, она воспринимала как истину.

Эти деньги от отца действительно помогли семье Шао справиться с неотложными нуждами. Получив серебро, Фан Хуэйнян не стала оставлять его себе, а сразу передала Старухе Шао. Раз уж Шао Юй сдал экзамен на цзюйжэня, нужно было обустроить быт подобающим образом.

Шао Юй, став первым в списке на провинциальном экзамене, в свои неполные тридцать лет выглядел статно и привлекательно. Во время пира Лумин он удостоился благосклонности многих высокопоставленных лиц, некоторые чиновники даже изъявили желание выдать за него своих любимых дочерей, но Шао Юй, будучи давно женатым, вежливо отклонил эти предложения.

В этот раз на провинциальный экзамен явилось более трех тысяч сюцаев, а успешно сдали лишь триста человек. Все сюцаи из родного уезда Шао Юя провалились, и только его успех — первое место — позволил хоть немного спасти репутацию уезда.

Сунь Чао и Цянь Жань, приятели Чжэн Таня, из-за скандала с последним не смогли сосредоточиться на экзамене и, как и ожидалось, не прошли. А тот самый наблюдатель Чи Гу тоже не добился успеха.

Семья Чи была крайне разочарована, но сам Чи Гу принял результат спокойно: он участвовал в сянши впервые и был готов к неудаче. Теперь, когда Шао Юй занял первое место, Чи Гу не мог не гордиться своей прозорливостью — ведь он подружился с Шао Юем еще до объявления результатов.

В отличие от спокойного Шао Юя, Шао Далан заметно нервничал. Шао Юй в последнее время часто беседовал с ним по душам. Зная, что семья Шао состоит из честных и прямодушных людей, и помня, как сильно прежний владелец тела был перед ними в долгу, Шао Юй постоянно рассказывал брату о трудностях прошлого, объясняя, что все беды семьи были связаны с его прежними ошибками. Он не забывал давать брату обещания: как только он утвердится в статусе цзюйжэня, то щедро вознаградит семью, поможет брату с торговлей, а племяннице найдет достойного мужа.

Честно говоря, Шао Далан уже привык к быстрому доходу от торговли и ни за что не вернулся

бы к работе в поле. Теперь, когда младший брат действительно стал цзюйжэнем, он испытывал какое-то нереальное чувство.

Изначально Шао Далан не понимал, что значит быть цзюйжэнем, но вскоре убедился воочию: купцы в Цзиньлине открыто предлагали отдать своих красавиц-дочерей в наложницы Шао Юю, мелкие помещики приносили в дар земли.

Эта суэта едва не вскружила голову Шао Далану, но Шао Юй сохранял ясность ума. Он решительно отказывался от чистого серебра и не моргнув глазом отвергал щедрые предложения земли. Шао Далан смотрел на это, и сердце его обливало кровью — он был готов броситься и принять дары вместо брата.

Шао Юй понимал психологию бедняка, внезапно получившего доступ к богатству, но боялся, что Шао Далан потеряет голову. В этом мире мало кто может устоять перед огромными деньгами. Чтобы избежать ошибок в будущем, Шао Юй решил, что профилактика лучше лечения, и «накормил» брата историями о том, как алчность чиновников и принятие взяток приводили к лишению должностей и даже казням. Он описывал всё в самых мрачных красках, до смерти напугав Шао Далана. С тех пор, когда кто-то пытался через него предложить Шао Юю золото или земли, Шао Далан отказывался даже быстрее самого брата.

Шао Юй с братом, торопясь домой и по пути покупая товары в разных городах, спустя месяц наконец вернулись в родные края.

Шао Юй не спешил домой, а сначала заглянул в уездное училище, чтобы засвидетельствовать почтение учителям и нанести визит уездному начальнику. После сдачи экзамена полагалась награда, а как занявший первое место, он должен был получить высшую степень поощрения.

Возвращение домой с триумфом прошло гладко. Учителя уездного училища сами были цзюйжэнями, которые, потеряв надежду на столичный экзамен, остались преподавать. Видя перед собой молодого цзеюаня, которому ещё нет тридцати, они не стали чинить препятствий, а, напротив, гордились тем, что воспитали такого человека.

Уездный начальник, встретившись с Шао Юем, рассыпался в комплиментах, называя его выдающимся талантом, и вел себя очень радушно. К такому перспективному ученому он не стал бы относиться плохо. Шао Юй рассказал начальнику о проделках Чжэн Таня. Подобные козни против братьев по учебе приравнивались к мошенничеству, поэтому начальник распорядился немедленно лишить Чжэн Таня статуса сюэя и отправил людей в дом семьи Чжэн, чтобы арестовать его и приговорить к ссылке на тысячу ли.

Однако они не знали, что Чжэн Тань после того случая покинул постоянный двор, но из Цзиньлина не уехал. Узнав, что Шао Юй стал цзеюанем, он понял, что его карьера закончена, и, не смея вернуться домой, в страхе бежал на северо-запад.

Когда Шао Юй покинул уездное управление и повозка выехала за город, они случайно наткнулись на перепалку у магазина тканей.

Шао Юй, всё время проводивший за книгами, почти не знал односельчан, но Шао Далан узнал женщину, участвовавшую в споре, и громко спросил:

— Тетушка, что у вас тут случилось?

— Далан вернулся! И господин цзюйжэнь с ним! — увидев братьев, тетушка просияла.

— Это третья тетушка из нашей семьи, — пояснил Шао Далан, опасаясь, что брат не узнает родственницу.

— Тетушка, — вежливо поздоровался Шао Юй.

Тетушка, услышав, что сам господин цзюйжэнь так почтительно к ней обратился, радостно отозвалась и смущенно пробормотала:

— Господин цзюйжэнь слишком любезен.

Приказчик магазина, услышав слово «цзюйжэнь», тут же спросил:

— Вы откуда будете?

— Из деревни Шао, — поспешно ответила тетушка.

Не дожидаясь, пока приказчик что-то скажет, выбежал хозяин лавки:

— Что же вы раньше не сказали? Раз на ткани пятно, я немедленно заменю вам отрез!

О том, что Шао Юй стал цзеюанем, в уезде уже все знали. Хозяин, подумав, понизил голос и добавил:

— Я дам вам еще лишний фут ткани, только перед господином цзюйжэнем не говорите лишнего.

Тетушка не ожидала такого подарка судьбы. Она купила ткань, не заметив брака, а когда пришла требовать справедливости, с ней и разговаривать не хотели. А тут стоило лишь позвать Шао Юя, как всё решилось в мгновение ока.

— Тетушка, когда вы возвращаетесь в деревню? Раз уж встретились, давайте с нами на повозке, — предложил Шао Далан. За время торговли он поднаторел в светских делах и больше не выглядел таким нелюдимым, как раньше.

— Ох, надо же, поеду в одной повозке с господином цзюйжэнем! — Тетушка, желая приобщиться к «ученому духу», тут же забыла о своих делах и поехала с ними, оставив родственников, которые ждали её в гости, ни с чем.

— Тетушка, вы ткань покупали? — улыбаясь, спросил Шао Далан.

— Да вот, бесовестные торговцы, подсунули грязную тряпку! Если бы не ваша помощь, пришлось бы мне терпеть убытки. Настоящие мошенники! — Тетушка полностью забыла о просьбе хозяина лавки.

Шао Далан рассмеялся, взял ткань, осмотрел её и сказал:

— А ведь крепкая. Кстати, я в Цзиньлине закупил много тканей, тетушка, гляньте, эта ткань дешевле...

За неполную четверть часа пути Шао Далан умудрился заключить сделку. Даже Шао Юй был вынужден признать, что его брат, несмотря на прежнюю нелюдимость, прирожденный торговец.

Как только повозка въехала в деревню, начался переполох.

— Господин цзюйжэнь вернулся! Господин цзюйжэнь вернулся! — кричали дети, разбегаясь по деревне.

Едва Шао Юй сошел с повозки, к нему поспешил староста рода и другие члены семьи.

— В нашем роду Шао появился великий человек! Предки явили милость, предки явили милость! — глава рода Шао был так тронут, что даже прослезился.

Старик Шао, вспоминая годы лишений, тоже не смог сдержать слез. Шао Юй впервые видел подобное, но в такой момент он, конечно, не стал портить людям праздник.

Едва Шао Юй успел выгрузить вещи, как его окружили и повели в семейный храм совершать жертвоприношения, а затем начали обсуждать организацию пира. Появление цзюйжэня в роду Шао было делом не только семьи старика Шао, но и всего рода, поэтому все хлопоты по организации банкета взяли на себя старейшины, избавив семью Шао от любых забот.

Ночью, наконец проводив всех гостей, Шао Юй смог поговорить с родными. Первым делом он похвалил Шао Далана:

— В этой поездке, если бы не старания старшего брата, я не смог бы так спокойно сдавать экзамены.

Смуглые щеки Шао Далана покраснели, хотя из-за загара этого почти не было видно.

— Мы ведь одна семья, хорошо, что старший брат смог тебе помочь. В нашей семье только вы двое, должны поддерживать друг друга, — сказал Старик Шао. Хотя он не был грамотным, как любой отец, он мечтал, чтобы сыновья жили в согласии.

— Отец, вы не представляете, какие расходы в Цзиньлине. Если бы не местные товары, которые мы взяли, мы с братом, наверное, ночевали бы на улице... — Шао Юй умел рассказывать истории. Даже самые обыденные события в его изложении превращались в захватывающие приключения.

Все слушали его, и отношение к Шао Далану изменилось. Старик Шао и подумать не мог, что его старший сын, из которого раньше слова было не вытянуть, так преуспел в торговле.

Под сияющими взглядами всей семьи Шао Далан смутился, почесал затылок и пробормотал:

— Я... я сделал не так уж много...

Шао Юй прервал его скромность:

— Старший брат, а ты ведь привез подарки для всех! Доставай же! Отец, мама, перед отъездом из Цзиньлина брат сказал, что столько лет не мог отплатить вам сыновним долгом, и настоял на том, чтобы купить подарки!

Шао Далан опешил и удивленно посмотрел на Шао Юя, подумав про себя: «Разве это не младший брат предложил купить подарки? Почему теперь всё выглядит так, будто я настоял?» Он взглянул на Шао Юя, тот подмигнул ему. Хотя Шао Далан не до конца понимал замысел брата, спорить не стал.

— Хм? Деньги надо беречь, зачем тратить их на всякую ерунду! — ворчал Старик Шао, но улыбку скрыть не мог, и глаза его так и бегали по узлу, который держал Шао Далан.

Шао Далан развязал узел и первым делом подал отцу курительную трубку. В молодости Старик Шао любил курить самосад, но когда семья обеднела, места для табака не стало, и он постепенно бросил. Но каждый раз, видя, как односельчане курят, он смотрел на них с тоской.

Для матери Шао Далан купил серебряный браслет. Хотя на нем не было узоров, это было настоящее серебро. Он помнил, как в детстве мать всегда носила пару таких браслетов, которые исчезли, когда семья разорилась.

— Ишь ты, вспомнил, — у Старухи Шао на глазах выступили слезы. Она не ожидала, что нелюбимый старший сын так заботлив. Заметив завистливый взгляд невестки, она почувствовала удовлетворение: хорошо, что сын не из тех, кто, женившись, забывает о матери.

Воспользовавшись моментом, Шао Юй предложил Шао Далану заняться торговлей. В ту эпоху, хотя дети купцов и могли сдавать экзамены, иерархия «ученые, земледельцы, ремесленники, торговцы» сохранялась. Старик Шао мечтал поднять статус семьи, поэтому на продажу местных товаров он еще мог согласиться, но на постоянную торговлю — вряд ли. Однако теперь, с «бонусом» сыновней почтительности и поддержкой Шао Юя, он молча согласился.

— Отец, эти деньги вам, — Шао Далан отдал всю выручку.

Серебро было тяжелым. Вычтя тридцать лянов долга, оставалась приличная сумма. Но Старик Шао не взял деньги:

— Раз ты решил заняться торговлей, оставь их себе как стартовый капитал.

Шао Далан не ожидал такой щедрости. В семье всё было общим, и по правилам деньги нужно было отдать главе семьи. Он посмотрел на Шао Юя.

— Эти деньги заработал старший брат, ему ими и распоряжаться, — улыбнулся Шао Юй.

На душе у Шао Далана потеплело. Он не был дураком и чувствовал, что раньше брат был с ним

холоден, отчего ему было грустно. Но после поездки в Цзиньлин, видя поддержку брата, он понял, что тот просто скрывает доброту за холодным фасадом. Младший брат даже не принял ни одного дара, хотя у него самого не было денег, а теперь вот отказывается от его заработка — всё ради него, старшего брата!

Шао Далан был глубоко тронут. Он решил, что его брат — самый лучший на свете. Вспомнив, как Шао Юй предотвратил неудачный брак сестры Дая и пообещал найти ей хорошего мужа, он был готов отдать ему всё сердце. Он твердо решил убедить жену не жаловаться на то, что родители якобы больше любят младшего брата — ведь он такой замечательный, что это вполне заслуженно!

Вечером, вернувшись в свою комнату, Шао Далан достал шелковый цветок и отдал жене:

— Я хотел купить тебе браслеты, но увидел этот цветок, такой яркий, подумал — только тебе он к лицу.

Он вспомнил совет Шао Юя, что жену нужно уметь радовать, и, преодолев свою нелюдимость, начал говорить ласковые слова. Жена была в восторге.

В соседней комнате Шао Юй разговаривал с Фан Хуэйнян:

— Ты отдала мне этот браслет перед отъездом, теперь я возвращаю его тебе.

Фан Хуэйнян остолбенела, приняв начищенный до блеска браслет, и её глаза наполнились слезами.

— Ты ухаживала за родителями всё это время, спасибо, — сказал Шао Юй.

Фан Хуэйнян поспешно затрясла головой. Она думала, что браслет давно продан. Поскольку они с мужем из-за его учебы редко виделись, между ними была некоторая отчужденность, но сейчас она начала рассказывать обо всем, что произошло в доме. В конце концов, набравшись смелости, она призналась про деньги отца и его просьбу.

— Тесть оказался щедрым, — заметил Шао Юй.

— Отец хочет, чтобы вы помогли моему брату, если получится взять его с собой учиться, будет лучше всего, — сказала Фан Хуэйнян.

Шао Юй не рассердился. Она была мягким человеком, к тому же взяла деньги отца, так что много от неё ожидать было трудно.

— Ты напрасно переживаешь. Деньги оставь себе, это обычное дело, когда отец помогает дочери, — Шао Юй помолчал. — Если Фан Лин действительно будет учиться со мной, первой заволнуется твоя мачеха.

— А? — Фан Хуэйнян не поняла.

Шао Юй не стал читать лекцию о том, как хлопотно учить родственников, а сказал:

— Твоя мачеха когда-то поссорилась с нами, и если мы возьмем Лин-гэ учиться, она будет

бояться, что мы ему навредим. Давай сделаем так: ты невзначай упомяни ей учителя Суня. Думаю, она сама воспротивится тому, чтобы отец отдавал мальчика мне, и отправит его к учителю Суню.

Учитель Сунь был наставником Шао Юя до того, как он стал сюцаем, и был известен в уезде. Теперь, когда Шао Юй стал цзюйжэнем, престиж учителя Суня тоже вырос. Женщины в доме всегда думают о благе своих детей, а если Шао Юй покажет, что всё еще держит обиду на мачеху, та сама сделает всё, чтобы не пустить Фан Лина в семью Шао.

В доме Шао царило праздничное настроение, а вот у семьи Чжэн дела шли плохо. Чжэн Тань не вернулся, зато пришло известие о его наказании: лишение статуса и ссылка на тысячу ли. Узнав, что пострадавшим был его бывший друг Шао Юй, семья Чжэн в слезах бросилась к дому Шао.

Их приход сорвал праздничный пир.

— Господин цзюйжэнь, вы теперь такой важный человек, почему не можете простить нашего Таня? Вы ведь были так дружны... — бабушка Чжэн рыдала, стоя на коленях.

Мать Чжэн вторила ей:

— Наш Тань так заботился о тебе, а ты так отплатил ему, неблагодарный волк!

Гости начали перешептываться. Шао Юй с холодным лицом, не испугавшись их выходок, приказал подготовить повозку, чтобы ехать в уезд и заявить в полицию.

— Господин цзюйжэнь, у семьи Чжэн остались только сироты да вдовы, из-за такой мелочи жаловаться властям... нехорошо, — нерешительно сказал кто-то из родственников.

— Сын седьмого дяди, кажется, тоже учится и в следующем году собирается на экзамен? Давайте так: перед экзаменом кто-нибудь подсыплет ему слабительного, чтобы он не смог сдать. Седьмой дядя, вы всё еще будете считать, что сироты и вдовы — это жалко? — Шао Юй резко ответил родственнику, заступавшемуся за семью Чжэн.

Присутствующие не были дураками и сразу поняли, что натворил Чжэн Тань. Вспомнив, что Шао Юй стал цзеюанем, они осознали, что он был талантлив всегда, и только козни Чжэн Таня мешали ему раньше.

Старейшина рода бросил на седьмого дядю суровый взгляд, тот сразу съежился:

— Я так, к слову сказал, племянник, не серчай.

Видя, что Шао Юй настроен решительно, семейство Чжэн в страхе поспешило убраться. Чжэн Тань пропал без вести, и Шао Юй не видел смысла сводить счеты с его семьей.

Став цзюйжэнем, Шао Юй решил продолжать путь по карьерной лестнице оригинала. По логике, статуса цзюйжэня уже хватало, чтобы защитить семью, но без трудностей выполнение

задания принесло бы меньше очков.

До ближайшего столичного экзамена оставался год. Шао Юй сосредоточился на учебе, а бизнес Шао Далана процветал. После нескольких поездок в Цзиньлин он накопил достаточно денег и открыл в уезде небольшую лавку тканей.

В основном он торговал дешевыми тканями для простых людей. Богатые семьи, желавшие угодить Шао Юю, также заказывали у него грубую ткань для прислуги. Благодаря поддержке младшего брата бизнес Шао Далана встал на ноги.

— Твой младший дядя велел тебе завтра утром зайти к нему в кабинет, — сказала жена Шао Далана.

Шао Дая, занимавшаяся вышивкой, замерла от удивления:

— Я?

<http://bllate.org/book/25708/3072681>